

Шаповал В.В.

(Россия, Балабаново Калужской обл.)

УРОВНИ ВЕРИФИКАЦИИ СЛОВАРНОЙ ФИКСАЦИИ РЕДКОГО СЛОВА

Ключевые слова: критика словаря, верификация, запись слова.

В статье рассматривается несколько трудных для верификации диалектных слов.

Shapoval V.V.

(Russia, Balabanovo, Kaluga reg.)

LEVELS OF VERIFICATION OF WRITTEN RECORD OF A RARE WORD

Key words: dictionary criticism, verification, written record.

The article proposes analysis of some hard to verify dialectal words.

Источниковедческая критика словарных материалов является обязательным условием научности и объективности описания слабо документированной лексики. Если такая критика своевременно не проведена, рано или поздно потребуется её проведение и переработка словарной статьи по её результатам. Возвращение к истокам словарного описания слабо документированного слова практически означает довольно сложную процедуру обнаружения, анализа и сравнения источников, которые зачастую не указаны или указаны не полностью. Далеко не всегда это оказывается простой для решения задачей.

Смешение трехэлементных букв довольно часто встречается в записях редких слов, например: новгородское «Балжашь – Шутникъ, озорникъ» [8. С. 377] < ⁺бáлмашь ‘то же’; колымское *вѣтно* ‘сухой корм’ [21-4. С. 196] < *вѣино* ‘то же’ [3. С. 31]; воронежское, московское *гуш* ‘часть цепа [какая?]’ [21-7. С. 250] < *гуж* ‘ремень, соединяющий бьющую часть цепа (било) с рукоятью’ [21-7. С. 204; 11-5. С. 388]; тобольское *закуртеветь* ‘заиндеветь’ [21-10. С. 180] < *закуржеветь* ‘то же’ [21-10. С. 177-178; 11-1. С. 190]; костромское, тверское *застре́ж* ‘водосточный желоб у крыши’ [21-11. С. 66] < *застрешь*, жен. р.? [11-3. С. 279], ср. орловское *застрешье* ‘то же’ [21-11. С. 67]; архангельское *катала́ть* ‘ноша, кладь, поклажа’ [10-П. С. 236] < ⁺катала́шь/катала́жь [21-13. С. 120]; жаргонное «Куклиш – болтун» [7. С. 43] < «Куклим – преступник, живущий по чужому паспорту» [20. С. 77]; симбирское *курта́* ‘метель, пурга, непогода’ < *куржа́* ‘иней’ (в 5 регионах) [21-16. С. 145, 123; 11-3. С. 281]; ярославское *маркомить* ‘заканчивать день, укладываться спать’ [6. С. 47] < ⁺марко́тить ‘медлить’, быть в полусне, когда *моркотно?*; «**МЕРЁ́ГА**, и, с. ж. Вязанье или тканье рѣдкое. О р е н б.» < «**МЕРЁ́ТА**, и, с. ж. Рыболовная снасть. Т в е р.» [19. С. 113]; воронежское, нижегородское, тверское *мерѣ́та* ‘1. Рыболовная снасть – мерѣжа’ < *мерѣ́жа* и *мерѣ́жа* ‘1. Рыболовная сеть’ [21-18. С. 116, 113; 11-3. С. 273-274]; архангельское *ми́молость* ‘жимолость’ [21-18. С. 166] < *жимолость* [11-3. С. 274]; донское «Нитнуть – ?» [17. С. 204] < *нишнуть* ‘молчать?»; владимирское *окайт́ка* ‘бес, дьявол, черт’ [21-23. С. 117] < вероятнее *окайт́ка* ‘то же’ [11-4. С. 276]; северное *оме́ж* ‘снежный сугроб возле дома’ [2-1. С. XII; 21-23. С. 198] < *омѣт* ‘то же’ [21-23. С. 200; 11-4. С. 277]; ульяновское *панкру́жество* ‘банкротство’ [21-25. С. 1971] < *панкрутство* [11-5. С. 385]; жаргонное «ПЕ́Т – внутренний карман» [4. С. 31], правильно: «**Пе́ж** – внутренний карман» [ТСУЖ 1991. С. 130]; архангельское *перети́шье* [21-26. С. 278] < *перети́шье* ‘то же’ [11-5. С. 387]; жаргонное *пинта́* ‘пять’ [18. С. 436] < *пинжа́* ‘то же’ [18. С. 436]; новгородское *померсть* ‘эпидемия’ [9. С. 67] < *пошерсть* ‘то же’ [11-7. С. 122]; беломорское *потихо́женьку* ‘потихонечку’ [21-30. С. 283] < *потихо́иеньку* ‘то же’ [21-30. С. 284; 11-7. С. 128]; западное (?) *пошере́ць* ‘повальная болезнь’ [10-III. С. 976] < *пошере́ць* ‘то же’ [11-7. С. 122]; костромское *по́шка* ‘птица’ [21-31. С. 35] < *по́тка* ‘то же’ [11-7. С. 129] и проч.

Исправление такого рода ошибок в записи редкого слова может опираться на данные источников, если они известны и доступны. Иногда для верификации записи достаточно прийти до ближайших источников словарного описания: «**Разлукутка**, ж. Фольк. Разлука. На разлукутку с боженой моей валюткой. Чтоб оно (сердце) да не стонало И разлукутки не знало. **Олон.**, Агренева-Славянская. Не от Оспода пришла эта разлукутка, А и от злого все пришло нам от татарина (былина). **Беломор.** Час разлукутки приходит Тяжело перенести (частушка). **Арх.** Последний день разлукутки с тобой мой дорогой (песня). **Новг. Север.** Разлука моя, разлукутка, разлучила ты меня, разлукутка, Ты с отцом моим, со матерью (причит.) **Терск.**» [21-34. С. 5]. Анализ данного описания позволяет предложить конъектуру: «За буквой *t* очевидно скрывается реальная буква *ш*: *разлукушка*» [Журавлёв-9. С. 263]. Проверка приведенных цитат отчасти (кроме подчеркнутой) вполне возможна: «Чтобь оно да не стонало и разлукушки не знало» [1-III. С. 163; 23-V. С. 197]; «И тебя Господи советну ведь помиловал. | И оть разлукушки баженой вольной волюшки» [2-III. С. 199]. «Не от господа пришла эта разлукушка, | Ай от злого всё пришла нам от татарина» [5. С. 261]. «Разлука, ты, моя разлука, разлучила меня далеко, | Съ отцомъ, съ матерью разлучила, съ молодой женой! <...> Терская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія... Кавказа, выпускъ VII, стр. 79» [23-V. С. 455]. Таким образом, почти все иллюстративные контексты подтверждают чтение *разлукушка*. Это пример исправления, достигаемого на первом уровне проверки источников. Ясно, что в подобных случаях неточное чтение возникает при работе с рукописью словаря или еще при создании картотеки.

Однако встречаются и ошибки, исправление которых требует более глубокого анализа источников. В таких случаях составители словаря действуют совершенно корректно: они точно воспроизводят данные источника. Например: «Балжашъ – Шутникъ, озорникъ» [8. С. 377] = [21-2. С. 82] < ⁺балмашъ? Здесь можно заподозрить смешение букв *ж* – *м*, поскольку: «**Балмажъ**, и, ж. Собр. Несерьезная, хулиганская публика на гулянье. Белозер. **Новг.**, 1926»; «**Балмош**, а, м. 1. Взбалмошный, сумасбродный человек; сумасброд <...>»; «**Балмыш**, а, м. [удар.?). Шалун. Черепов. **Новг.**, 1904» [21-2. С. 83]. Ясно, что вероятная неточность представлена уже в источнике 1893 года.

«**Каружки** <...>. Кружева. Вельск. Смол. [21-13. С. 107]. Весьма велика вероятность чтения составителями *ж* на месте рукописного *н*. Ср. иркут. *кару́нки*, *кору́нки* ‘кружева на кровати’ [21-13. С. 108], пск. *коро́нки* ‘кружева’ [21-14. С. 365], семантически дальше олон., новг. *коро́на* ‘род кокошника, униженного драгоценными камнями’, олон., новг. *коро́нка* ‘девичий головной убор’ [21-14. С. 364, 365), волог., арханг. *кору́на*, уменьш.-ласк. *кору́нка* ‘старинный женский головной убор в виде разукрашенного и расшитого полукруглого щитка надо лбом’ [21-15. С. 27, 28]; за пределами русского языка — белорус. *кару́нкі* ‘кружева; узоры’, укр. *кару́нка* ‘позумент’, диал. ‘карниз’» [11-2. С. 96]. Чтение *каружски* возникло из весьма сомнительного *карупски*: «**Кружева**. Карупски. Бѣльск.<ій> у.<ѣздъ>, <село> Лукьяново» [Добровольский 1914. С. 361]. Видимо, *пе* прочитано наборщиком в рукописи В.Н. Добровольского на месте *н* с гипертрофированной волнистой перемычкой.

«**Курта**. <...> ‘Метель. пурга; непогода’ [21-16. С. 145]. См. выше *Лурта*: «Почти несомненное *пурга*, с подменной в чтении диалектологической записи букв *n* (/П) на *л* (/Л) и *г* на *т*. Сомнения, в сущности, касаются лишь подлинно народной природы этого слова в курских материалах: слово заимствовано из прибалтийско-финских языков, «естественно» распространено на Севере и в Сибири и на Курщину вряд ли могло попасть без посредничества литературного языка (публикация Машкина относится к 1862 году). Ср. еще сенг. симб. (Архив РГО) *курта* ‘метель, пурга; непогода’ [21-16. С. 145], которое можно заподозрить в том же «патологическом» происхождении» [11-3. С. 281, 271]. Смешение *К* – *П*, *г* – *т*? Вряд ли всё же к *пурга*, географически скорее к *хурта*, *хуртовина*. Ср. самарское *хурта* ‘вьюга’ [12. С. 289, 290].

«**Пирой**, м. Пирог из ржаной и овсяной муки с рыбой. Майков, Поездка в Обонежье и Корелу, 1877 [21-27. С. 43]. Напрашивается догадка о том, что мы имеем дело со словом

пирог; ошибочное чтение *й* – вместо *зь* (начальный штрих буквы *ь* мог быть воспринят как значок краткости над *й*). Несколько смущает, однако, что *пирогом* называется не ‘пирог’ вообще, а конкретно ‘рыбник’» [11-б. С. 173]. Фамилия автора копируется с ошибкой: Майнов Владимир Николаевич. Ошибка наборщика, один раз представленное *пирой* противостоит двум написаниям *пирог*: «Жареная и вареная рыба составляет постоянный столъ здѣшняго крестьянина, который идетъ дальше, запекаетъ рыбу въ пирог-рыбники, употребляетъ ее (сиги), въ сушеномъ видѣ вмѣсто хлѣба на заѣдку и въ видѣ ложки загребальной въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ хлѣбъ перестаетъ быть ржанымъ и скорѣе можетъ назваться сосновымъ» [15. С. 52-53; 16. С. 73]. Ещё два контекста отсутствуют в первом издании: «Увидаль Осударь его лѣность и приказаль ему обрядиться пирожникомъ, да на ямахъ пирог рыбники разносить» [16. С. 236], однако однократно и о том же хлебном изделии («захочетъ угостить васъ корелякъ»): «пирой или рыбникъ печется изъ ржаной муки пополамъ съ овсянкой и начинается смотря потому, что имѣется въ наличности: то палтусиной, то лещемъ соленымъ, а то и рыбешкою <...>» [16. С. 279]. Прочтения с *-й пирой* в 21 взято из второго издания, а в списке источников указано первое издание: «Майнов В.Н. Поездка в Обонежье и Карелу. СПб., 1874. [С. 89-90 – 23 местных слова]» [21-1: 58]. Симптоматично, что сам автор в этом кратком списке курьёзов слова *пирой* не отметил: «Сапоги у него <заонежанина> – бахилы, гребень для костры – бросальница, лапти – верзни, клеветникъ – ерестунъ, постоялецъ – жихарь (также и душа на раскольничьихъ лексинскихъ картинкахъ, изображенная в видѣ младенца, вылетающего изъ усть только что умершаго), кукушка – загожка, назойливый – звига, комедіантъ – изнимальщикъ, брюхо беременной женщины – кизюля, не одобрять – кухнать, неудалый – моня, нѣсколько позже – ободъ, выжженное мѣсто для посѣва – паль и огнище, пеленка – рипакъ, ненастье – рянда, изловчить – спорандать, смѣяться – халяндать, щеголь – хазъ, лошило, фобольщикъ, замаскированный – хухлякъ, ничего – целибука (воровск.), дешево – шаль (офенск.), неповоротливый – шигайдунъ (офенск.)» [15. С. 89-90; 16. С. 127]. Таким образом, изучение всего источника в данном случае дополнительно подтверждает наличие здесь опечатки и правильность ординарного чтения *пирогъ*.

Особенно сложной оказывается верификация однократных фиксаций. Даже несколько циклов проверки материала с постепенным расширением круга источников не всегда приводят к искомой однозначности выводов. «**КОЧЕНЬ, КОЧЕНЬ, КОЧЕШОКЪ**» – показательный пример трудности интерпретации однократных фиксаций. Во-первых, важно, что фиксация была выполнена в упрощенной транскрипции: «**Ж Ко́чень, кочешокъ**. Кочеть, пѣтухъ. Въ пѣснѣ (Кучка Яр. у.): Жил я у панушка | По второе лѣто. || Дал мнѣ панушко | *Кочешок* за это. | Мо'ёт *ко́чень* | Ку́рец топчѣт...» [13. С. 74-75]. При полуторном увеличении печатного текста не вызывает трудности чтение заглавных слов *кочень* и *кочешокъ*. Кроме того, конечной *-ь* в записи песни невозможен: он пропущен 6 раз в словах *жил, дал, кочешок, мо'ёт, курец, топчет*. В академическом словаре: «2. Ко́чень, м. Обл. То же, что кочень, кочеть (пѣтухъ). | Мо'ёт ко́чень | Ку́рец топчѣт (нар. пѣсня). | Яранск. (Зеленинь)» [22. С. 2513]. То же [21-15. С. 126].

В этой же песне, записанной Зелениным, встречается в явной связи с *кочень* уменьшительное *ко́чешок*: «2. Ко́чешокъ, м. (Уменьш. отъ ко́чень) Обл. Пѣтухъ. Встрѣтилось въ пѣснѣ : | Далъ мнѣ панушко | Ко́чешокъ за это . | Яранск. (Зеленинь)» [22. С. 2523]. Обращает на себя внимание формальная неодушевленность в форме винительного падежа. Неодушевленность отредактирована позднее: «**Ко́чешок**, шка, м. Петух. Дал мне панушко *Кочешков* за это. Яран. **Вят.**, Слов. Акад. 1914» [21-15. С. 132]; «заметим также, что Яранский уезд Вятской губернии спутан здесь с Яренским уездом, который числится за Вологодской губернией» [Журавлёв-2. С. 99]. Здесь можно видеть и родительный множественного от *ко́чешка ‘курица’ (*ко́чешок = ку́рец, ср. квочка, квочечка). Однократность фиксации не позволяет быть категоричным. Пара *кочень* и *кочешок* рассматривалась А.Ф. Журавлёвым в плане их взаимной критики и исправления: «В первой

из них <форме *кочень*>, вне всякого сомнения, присутствует результат ошибочного чтения *нь* на месте рукописного трёхлинейного *т*: *кочет*, *кочета*. Уверенность в этом внушает не оцененное составителем статьи изящество песенной рифмы *кочет – топчет*; «Вместо *ш* <в *кочешок*> скорее нужно читать *т* (*кочеток*)» [Журавлёв-2. С. 99, 100].

Ср.: «**Кочето́къ**, тка́, м. Обл. Уменьш. отъ слова ко́четъ » [22: 2519]. Здесь точку ставить рано, но следует всё же помнить, что все эти метания вызвали 6 коротких строк частушки. (Вообще надо отметить, что малейшая неточность в отсылке превращает проверку в затратную по времени процедуру с негарантированным результатом.) Смещение *т – ш*? и смещение с переразложением *нь – т* остаются предположениями. Ещё один (не фантомный ли?) вариант *кочень* ‘петух’ отражается в академическом словаре: «**Ко́чень**, а́, м. Обл. Пѣтухъ. | Дайте свахѣ качена́, | Штобы пѣсню начала! (нар. пѣсня). | Обоян. (Курск. Сборн. VI, 36)» [22. С. 2511] = [21-15. С. 126]. Это посмертная публикация из собрания А.С. Машкина (1816-1904) «Свадьба (Быт)» [14. С. 31-42]: «Дайте свахѣ качена, (пѣтуха), | Штобы пѣсню начала!» [14. С. 36]. Совершенно справедливо замечание против сближения зеленинского *ко́чень* и машкинского *качена́*: «Вторая форма должна выглядеть как *коча́н*, *кочана́* (*кочена́*), с нафлексивным ударением в косвенных падежах» [Журавлёв-2. С. 99-100]. Остается обратить внимание на уникально слабую документированность вторых компонентов трёх омонимичных пар, обозначающих, с одной стороны, ‘кочерыжку’: 1. *ко́чень*, 2. *ко́чен*, 1. *кочешо́к*, а с другой – ‘петуха’: 5. *ко́чень* и *ко́чен*, *ко́чешок*. Хотя пояснение ‘петух’ есть и в публикации Машкина, нельзя не присоединиться к замечанию А.Ф. Журавлёва: «Осмысление же формы *кочена* как ‘петуха’ отнюдь не диктуется приводимой иллюстрацией и чрезвычайно проблематично; в связи со скоромной, как то водится, свадебной песней-провокацией речь должна идти, скорее всего, о предмете, имеющем известное отношение к теме «вегетативный код основного мифа» [Журавлёв-2: 100]. Ср. также: «**Кочень**, м. [удар.?), Ехать на кочень. Ехать на послесвадебную пирушку у новобрачных. Сольвыч. **Волог.**, 1898» [21-15. С. 126]. Однако среди символов плодородия (наряду с кочерыжкой) трудно не вспомнить и петуха. Повышение статуса такого угощения вполне могло привести к замене капусты курятиной. Мнение информанта в таких случаях тоже надо критически проверять. (Особенно часто своеобразное непонимание встречается в фольклоре: «Что дѣлаеть принцип Volksetymologie въ пѣсняхъ – гдѣ присутствуютъ ещё новыя, очень удобныя для господства ложныхъ аналогій, условія: 1) недослышаніе и 2) совершенное непониманіе нѣкоторыхъ словъ, произносить которые однако необходимо для склада пѣсни, – можно судить по слѣдующимъ примѣрамъ: Изъ древняго слова *кубе́ць* (см. ниже <‘кубокъ, стопа’>: «Во лѣвой рукѣ *Купе́цество* несу» [13. С. 77]>) пѣсня сдѣлала *купе́чество*; изъ *графа Румянцева – крофь с румянцом* (пѣсенница произносила: *крофь с румянцом отвѣчает*, и ничуть не удивлялась безсмыслицѣ)» [13. С. 17].

Иногда описание диалектного слова, отраженное в нескольких словарях, на поверку оказывается опечаткой, возникшей в издании художественного произведения: «**Буером**, а, м. [удар.?). То же, что буераг (в 1-м знач.). **Дон.**, 1929» [21-3. С. 252]. Нельзя не согласиться с мнением, что слово *буером* не является реальным диалектным словом. «Ср. *буераг* ‘1. Овраг’ (в заголовке статьи опечатка – *буерга*, – что устанавливается местом статьи в алфавитном списке). Рукописное начертание *аг* (или *ак*!) воспринято как *ом*» [11-1. С. 185]: переразложение в группе *аг(ак)* – *ом* предполагается в качестве причины данной ошибки чтения. В первоисточнике: «Буерак – см. боерак <...> Буером – то же, что буерак. V-3 ▲ Ярами, буеромом, густыми терновниками или, ползли... Ш. 67» [17. С. 29]. Помета «V-3» = станица «Вешенская <...>» [17. С. XIII], географическая помета выбрана потому, что Михаил Шолохов проживал в этой станице. Источник цитаты: «Ш. – Шолохов. «Донские рассказы». 1926. Москва» [17. С. XVII]. Рассказ «Бахчевник» (1925) в последних редакциях в последнем разделе содержит предложение, в котором *буером* отсутствует: «Ярами, буреломом, густым терновником шли, ползли, продирались» [27. С. 74]. Однако Миртов цитировал издание 1926 («Бахчевник» [25. С. 43-67]), которому предшествовало журнальное издание, и в этих ранних

изданиях *буером* еще зияет: «Ярами, буеромом, густым терновником шли, ползли, продирались» [24. С. 28]; «Ярами, буеромом, густым терновником шли, ползли, продирались» [25. С. 67]. В 1937 году в сталинградском альманахе кто-то поправляет по догадке: «Ярами, буреломом, густым терновником шли, ползли, продирались» [26. С. 177]. Таким образом, Миртов и 21 выполнили принципиальную задачу лексикографирования. Кто допустил ошибку, не так уж важно: машинистка, наборщик, или коллективный редактор журнала «Комсомолия» в лице Московского горкома комсомола. Важно, что она была с самого начала грамотно документирована Миртовым и не замечалась номинальным автором в течение ряда лет.

Иногда слово при цитировании не только изменяется, но ещё и сохраняется в прежнем виде в том же самом словаре. Это приводит к мнимому удвоению слова, появляются «*графические дублиеты*»: «**Закуша**, и, ж. Старая дева, оплакивающая невесту за день до свадьбы. Черепов. **Новг.**, Герасимов» [21-10. С. 187], «В высшей степени вероятно неправильное чтение слова *зыкуша*, производного от *зыкать* новг., волог., влад. ‘плакать в голос, навзрыд’» ([21-12. С. 35]) [11-1: 190]. Ср.: «**Зыкуша**, и, м. и ж. <...> 2. Ж. В свадебном обряде – плакальщица (обычно старая дева), оплакивающая невесту за день до свадьбы. Черепов. **Новг.**, 1910» [21-12. С. 37]. Похоже на ошибочное расщепление одного свидетельства: «Зыкуша, причитальница. Старая дѣвица, оплакивающая невьсту за день до свадьбы» [9. С. 42]. В словарики [8] этого слова нет.

Таким образом, выявление истинного облика редкого слова может потребовать неоднократного обращения к источникам с привлечением дополнительных данных, приводящим к переоценке как самой словарной записи слова, так и ее источников.

Список литературы

1. Агренева-Славянская О.Х. Описание русской крестьянской свадьбы с текстом и песнями: обрядовыми, голосильными, причитальными и завывальными. – Ч. I. – М.: Тип. А. Левенсона, 1887. – 46 с.; Ч. II. – Тверь: Типо-Литография Ф.С. Муравьева, 1887. – 124 с.; Ч. III, Тверь: Типо-Литография Ф.С. Муравьева, 1889. – 213 с.
2. Барсов Е.В. Причитанья северного края. – Ч. I. Плачи погребальные, надгробные и надмогильные. – М.: Тип. «Современ. Изв.», 1872. – XXX, 327, XXXIII с.; Ч. II. Плачи завоенные, рекрутские и солдатские. – М.: Унив. тип., 1882. – [10], LVI, 335, [2] с.; Т. III. Плачи свадебные, рукобитные, разлучные, баенные и предвенечные // Чтения Московского общества истории и древностей российских». – М.: Унив. тип., 1885. – Кн. III. – С. 1-160 (отд. паг.); Кн. IV. – С. 161-256 (отд. паг.).
3. Богораз В.Г. Областной словарь Колымского русского наречия // Сборник ОРЯС. – Т. 68. – № 4. – СПб., 1901. – С. 19-163.
4. [Бронников А.Г.] 10 000 слов: Словарь уголовного жаргона. – [Пермь: без изд-ва, 1990]. – 52 с.
5. Былины: Русский героический эпос / Вступ. ст., ред. и примеч. Н.П. Андреева. – [Л.]: Совет. писатель, 1938. – 576 с. – (Б-ка поэта).
6. Волоцкой В. Сборник материалов для изучения Ростовского (Ярославской губернии) говора. Словарь Ростовского говора // Сборник ОРЯС. – 1903. – Т. 72. – № 3. – С. 1-115.
7. Воривода И.П. Сборник жаргонных слов и выражений, употребляемых в устной и письменной речи преступным элементом / ред. Н.И. Дураев. – Алма-Ата: <МВД Казахской ССР>, 1971. – 100 с.
8. Герасимов М.К. О говоре крестьян южной части Череповецкого уезда Новгородской губернии // Живая старина. – 1893. – Вып. III. – Отд. 2. – С. 374-388.
9. Герасимов М.К. Словарь уездного Череповецкого говора // Сборник ОРЯС. – 1910. – Т. 87. – № 3. – С. 1-111.

10. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х тт. – СПб.; М.: т-во М.О. Вольф, 1904-1907.

11. Журавлев А.Ф. Лексикографические фантомы. 1: 21, А-З // *Dialectologia slavica*: Сборник к 85-летию Самуила Борисовича Бернштейна: Исследования по славянской диалектологии. 4. – М.: [ИСл РАН], 1995. – С. 183-193; Лексикографические фантомы. 2: 21, И-К // Слово и культура: Памяти Никиты Ильича Толстого. – Т. 1. – М.: Издательство «Индрик», 1998. – С. 93-104; Лексикографические фантомы. 3: 21, Л-М // Слово во времени и пространстве (К 60-летию профессора В. М. Мокиенко). – СПб.: Фолио-Пресс, 2000. – С. 265-282; Лексикографические фантомы. 4: 21, Н-О // Исследования по славянской диалектологии. – 7. Славянская диалектная лексика и лингвогеография. – М.: [ИСл РАН], 2001. – С. 265-281; Лексикографические фантомы. 5: 21, О – П // Аванесовский сборник. Антология. – М.: Наука, 2003. – С. 382-289; Лексикографические фантомы. 6: 21, П // Известия Уральского государственного университета. – 2001. – № 20. – С. 172-178; Лексикографические фантомы. 7: 21, П // Исследования по славянской диалектологии. – 8. Восточнославянская диалектология, лингвогеография и славянский контекст. – М.: [ИСл РАН], 2002. – С. 120-131. Журавлёв А.Ф. Лексикографические фантомы. 9: 21, Р // *Palaeoslavica*. – Cambridge, 2012. – XX. – No. 1. – P. 261-276.

12. Золотарев Н.М. Заметки о лексике говоров Самарской Луки // Вопросы теории и методики изучения русского языка. – Саратов, 1959. – С.288-295. – (Труды Первой научн. конф. кафедр русск. яз. пед. ин-тов Поволжья).

13. Зеленин Д.К. Дополнительные и критические замечания о Вятской лексике. [Приложение к «Отчету о диалектологической поездке в Вятскую губернию»] // Сборник ОРЯС. – 1904. – Т. 76. – № 2. – С. 1-189.

14. Курский сборник. – Вып. 6. Сост. Златоверховников Н.И. – Курск: Типография Губернского Правления, 1907. – 2, IV, 75 с.

15. Майнов В.Н. Поездка в Обонежье и Корелу. – СПб: Тип. В. Демакова, 1877. – 164 с.

16. Майнов В.Н. Поездка в Обонежье и Корелу. – СПб: Тип. В. Демакова, 1877. – 318 с.

17. Миртов А.В. Донской словарь. Материалы к изучению лексики донских казаков. – Ростов-на-Дону, 1929. – 415 с.

18. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русского жаргона. – СПб.: Норинт, 2000. – 717 с.

19. Опыт областного великорусского словаря / [ред. А.Х. Востоков]. – СПб.: Тип. ИАН, 1852. – [4], XII, 275 с.

20. Потапов С.М. Словарь жаргона преступников (блатная музыка) / Сост. по новейшим данным. – М.: [без изд-ва], 1927. – 196 с.

21. Словарь русских народных говоров. Вып. 1-44. – Л.; СПб.: Наука, 2010-2011.

22. Словарь русского языка. – Т. IV. – Вып. 8. – СПб.: Тип. ИАН, 1914.

23. Соболевский А.И. (сост.) Великорусские народные песни. – Т. I-VII. – СПб.: Государственная типография, 1895-1902.

24. Шолохов М.А. Бахчевник. Рассказ М. Шолохова // *Комсомолия*. – 1925. – Апрель. – № 1. – С. 17-28.

25. Шолохов М.А. Донские рассказы. С предисл. А. Серафимовича. – М.: Новая Москва, 1926. – 176 с. (Библиотека рабоче-крестьянской молодежи под общей редакцией МК РЛКСМ).

26. Шолохов М.А. Бахчевник // *Дон. Художественный сборник*. – Сталинград: Обл. книгоизд-во, 1937. – С. 167-177.

27. Шолохов М.А. Бахчевник // Шолохов М.А. Собрание сочинений: В 8 т. – М.: Гос. изд-во худож. лит., 1956-1960. – Т. 1. Рассказы. – 1956. – С. 61-74.